

Григорий
Квитка-Основьяненко

Малороссийская
проза

Харьков
«ФОЛИО»
2019

СОЛДАТСКИЙ ПОРТРЕТ

С МАЛОРОССИЙСКОГО РАССКАЗА
ЛАТИНСКА ПОБРЕХЕНЬКА¹

Когда-то, где-то, был себе какой-то маляр, по имени... Вот на уме вертится, как звали его, да не вспомню... Да и нужды нет до его имени, нам важно его искусство. Пусть пока маляр, да и только. А как чудесно малевал, так на удивление! Вы подумаете, что он малевал так себе, просто, как-нибудь, намешает краски, зеленой, синей, вишневой, да так прямо и мажет стол или сундук? Э, нет, погодите немного. Бывало, что завидит, что подсмотрит, сразу с того портрет и откатнет: хоть будь это ведро или собака, так словно настоящее оно и есть... Посвистишь и замолчишь от удивления. Да еще бывало, намалюет, примером сказать, сливу, да и подпишет — он же был грамотный. — «Это не арбуз, а слива». Знаете, чтоб всякой отгадал, что оно есть так точно так и есть, настоящая, словно живая слива.

Раз... Вот смех был! Хлопцы наши от хохота чуть животов не надорвали себе. Шутки ради смалевал он портрет с кобылы нашего мельника, да как живо смалевал, так на удивление всему свету. Вот, намалевавши, и говорит нам:

— Теперь, хлопцы, смотрите, какая будет комедия.

А мы говорим:

— А ну, ну, что там будет?

А он говорит:

— Идите-ка за мною и несите портрет мельниковой кобылы.

Вот мы, взявши, и пошли себе, да по его научению поставили этот портрет подле мельникового двора, подперли его хорошенько и смотрим... Таки точно мельникова кобыла, на один глаз слепа, хвост вырван, ребра повылазили, да и голову понурила, будто пасется.

Вот как устави́ли ее, а сами, взявши, присели под плетнем в бурьян и ждем мельника, а сами крепимся сколько можно, чтоб не хохотать. Как

---

¹ Рассказ Грицька Основьяненка: Солдатский Портрет был напечатан по-Малороссийски; имел большой успех; для незнающих Малороссийского наречия, конечно, приятно будет прочесть эту повесть в Русском рассказе самого автора; для каждого, даже для Малороссиянина, Солдатский Портрет в Русском переводе справедливо покажется новостью. *Редактор.*

вот, идет наш мельник Евтух и, видно было у него в голове, идет и песенку под нос себе мурлычет; а потом и завидел кобылу и говорит:

— Какой негодный мой Охрым! (Мельник не последняя спица в селе; доходы позволяют ему иметь и батрака, так он его имел, вот батрака-то и звали Охримом.)

— Кобыла, — так мельник с собою рассуждает, — к ночи сошла со двора, а ему и нужды нет. Как бы мне поймать ее?

Потом снял с себя пояс, завязал петлю, да и начал подкрадываться к ней, да все чмокает и приговаривает:

— Тпрусё, рябая, тпрусё!

А потом как подошел поближе, как закинет ей на шею пояс, как потянет к себе изо всей мочи... Подпорки не удержали... Кобыла начала валиться, а мельник думает, что она вырывается от него; как закричал во весь голос:

— Тпруу! тпрууууу-у-у!

Тут наша кобыла как упадет, а мы как захочем и... давай бог ноги отсюда... Евтух наш и остался как вкопанный; руки и ноги одеревенели и ни с места; а кобыла перед ним лежит, откинув ноги... Уже потом, как-то в беседе, рассказывал нам, что и долго бы стоял, не понимая, что с ним сделалось, да мельничиха пошла его отыскивать; знаете, немного ревнивенька была себе, так не любила, если муж где засиживался. Так вот она как увидела так стоящего, почти вне ума, то не знала, что и делать с ним: и отдувала, и водою брызгала, а он все, вытараща глаза, глядит на кобылин портрет, все думает, что это она живая перед ним. Уже как смерклось, так тогда она на превеликую силу с места свела и ввела в хату; а он знай свое твердит:

— Тпрусё, рябая, тпрусё.

Что же? Целую ночь дрожью дрожал, как будто лихорадка его бьет и в глазах все кобыла представлялась. Жена подойдет, а он все думает, что кобыла, да все свое толчет:

— Тпрусё, рябая, тпрусё.

И до тех пор так было, пока она его не напоила шалфею; тогда только как рукою сняло. Вот что значит сильный перепуг!

Пожалуйте же. К чему же это я начал вам рассказывать? Да, о маляре... те, те, те...

Теперь вспомнил, что звали его Кузьмою, а по батюшке Трофимовичем. Как теперь гляжу на него: в синей юлке (камзоле), затрапезных, широких шараварах, пузо подпоясано каламайковым поясом; а поверху надета китайчатая черкеска; на шее, сверх белого воротника, повязан красный бумажный платок, сапоги коневьи, добрые, с подковами; волос черный, под чуб подстрижен, а усы рыженькие, густые и длинные; не часто брился, так борода, всегда как щетка; в горелке не упражнялся так

чтоб через край, а с приятелями, в компании, не проливал мимо; славно певал на клиросе, читал бойко и гласы знал так, что и сам пан Афанасий, вот если знаете, дьячок наш, и тот спотыкался на его напевы, как заведет по-своему. А уж этот проклятый табак так любил, что не то что; хлеба святого еще не съест, а без этой мерзости и дышать не может. Был себе пузат порядочно, а родом, если слыхали Борисовку, в Курской губернии, слобода графа Шереметева, так он оттуда был родом. В той Борисовке наилучшие богомазы, иконописцы и всякие маляры. Из той-то слободы маляр и в нашем селе зеленил крышу на колокольне; да как искусно, на удивление! Такая крыша вышла зеленая, словно трава в поле. Уж негде правды девать: никто лучше ни намалюет, ни размалюет, как богомаз из Борисовки; уж не жаль и денег. Как же москаль возьмётся за это дело, так ну! Почешись, да и отойди. Торгуется, требует всего много: дай ему и материал, и всякой провизии, и денег, а как удерет, так гай, гай!.. Ему говоришь: это *блакитна*, а он называет по-своему: синяя-ста. Ему говоришь: не годится, а он чешется, смеется и знай свое толчет: ничаво-ста, для хохлов и такое бредёт.

Так вот, как Кузьма Трофимович был очень искусен в малярстве, то об нем слава прошла по всему свету. Услышал о нем какой-то пан, большой охотник до огорода; так вот видите, беда ему: что б он ни посеет, то воробьи в лето все и выклюют. Вот он и позвал нашего Кузьму Трофимовича, чтоб намалевал ему солдата, да чтоб так списал, чтоб был бы словно живой, чтоб боялись его все воробьи; а будет, говорит, какая фальшь, прикину тебе, не возьму. Вот и сторговались за два целковых, и как уже известно, что ни один мастер ничего не возьмётся делать без водки, то Кузьма Трофимович выговорил себе еще и осьмуху водки. Вот и намалевал он солдата, да еще как! Я говорю и уверяю вас, что и живой не будет так гадок, как он его искусно намалевал: мордатый, обдутый, с престрашнейшими усами, что не только воробью, да и всякому человеку глядеть на него страшно. Мундир на нем обвис хватски, словно мешок, застегнут везде пуговицами величиною в кулак, сабля бравая, как водится, с правого бока, а ружье!.. уж погибель его знает, как он живо смалевал! Глядишь и боишься, думаешь, вот выстрелит! и подступить не смеешь. А присмотришься на него, так вот, кажется, вот он и шевелится, вот моргает усом, глазами, носом, руками дергает, ногами шевелит, против воли боишься и думаешь: вот побежит.. вот станет бить!.. Так-то был искусно намалеван. Думаю, что во всем свете не было так живо списанного солдата.

Нуте. Покончивши этот портрет, Кузьма Трофимович думает себе: «Может, и не угожу пану, тогда пропали и издержки мои, и работа. Повезу куда на ярмарку, поставлю на базаре и стану прислушиваться, что будут люди говорить. Когда станут его пугаться и прятаться, как водится, от живого солдата, тогда, Кузьма, смело бери деньги; когда же найдут что не так, то буду подправлять, пока доведу до конца».

Собрался наш Кузьма Трофимович и повез своего солдата в Липцы, когда знает кто; вот что верст тридцать от Харькова на дороге к Курску, большая слобода. Привезши туда, в самую глухую полночь, как еще подле своих возов все съехавшиеся на ярмарку и хозяева в хатах крепко спали, и даже из кабаков народ разошелся, и огонь погасили, он и поставил тот портрет на самой ярмарке и подпер его еще крепче, нежели мельникову кобылу, чтоб ветер или какой пьяный, а их на ярмарке, как известно, всегда много, ходя и шатаясь и наткнувшись на портрет, не свалил бы его; сам же за портретом, накинул над собою навес, сел, чтоб прислушиваться, что будет толковать о нем народ, и, чтоб поправить какую ошибку по замечаниям других, приготовил и палитру с красками. Управившись со всем, присел, приклонил голову и вздремнул немного, пока дойдет до дела...

Как вот и рассветать стало. Еще не пригасли все звездочки, как уже наш Кузьма Трофимович и встрепенулся; понюхал табаку, вычихался, протер глаза полою; некогда уже было идти за водою, чтоб умыться; подпоясался снова и пояс притянул покрепче, надвинул шапку к самому носу и рукавички достал, а это, знаете, было около *первой пятницы*¹, так зори уже холодные были. Изготовившись, ожидает, что будет.

Прежде всего блеснул огонек в кабаке... Гай, гай! Уже и в Липцах, между нашим народом, завелись, как будто и в самой России, вместо шинков, кабаки! Откуда же это так стало? Общество нас так скрутило, чтоб, видите, откупщик за тех, кто не сможет платить податей, вносил бы деньги; вот и нашелся, да не из настоящих откупщиков, а — нечего греха таить — нашелся из наших же и взялся держать и Липцы, и другие слободы на московский лад; и уже называется не шинок, а кабак; и там уже во всем другая натура, осьмухи нет, а нечестивая кварта. О, да и проворный же народ! Недоест, недоспит, все о том только и хлопочет, чтоб зашибить копейку. Такая их натура! А как только в этих кабаках нашего *братчина* обдуривают, так ну, ну, ну! Вот это придешь в кабак с своею посудю, чтоб взять в дом на сколько мне надобно горелки, да если засмотришься куда по сторонам или заслушаешься, что москали начнут между собою разговаривать по-своему, что и не разберешь ничего, то тут и не дольют полной меры, скорее вливает в свою посуду и уже хотя спорь, хотя бранись, а он тебя вытолкает вон. Когда же тут на месте хочешь выпить, то прикинется будто и добрый; за гривну почерпнет из кадки полнехонькую чарку... Тут примешься усы разглаживать, утираешься, причмокиваешь с удовольствием и воображаешь, как это знатно выпьется натоцак... да только что доносишь чарку до рта, и ещё не донесешь хорошо... как тут — вражья мать его знает, где это *москальча* у аспида возьметса, таки словно как тут, что... Дух-Свят при нашей хате!.. Подбежит, подтолкнет... Плюх!.. больше половины чарки назад в кадку!.. Беда, да и полно! И уже пьешь и остаток скорее затем, что тут разливальщик уже от-

---

¹ 14-го октября, Св. Прасковьи, называется первая пятница; 28-го октября мученицы Прасковьи, другая.

нимает чарку. Кажется, и выпил, так что ж?.. Точно, как есть поговорка: по бороде текло, да и в рот не попало; и чтоб для здоровья пошло по животу, так и не говори; нечего было и проглотить порядочно. От такой беды вынимаешь другую гривну, что хотел для дому купить соли, теперь пропиваешь ее против воли. Вот такая-то их вера, чтоб содрать со всех; куда им уже и спать при такой охоте к наживам? Да-таки и то правда, что тут спит, и тут думает, чем бы то и где бы-то поживиться.

Так вот, как засветилось в кабаке, то и выслали от себя *подтолкачку*, не увидит ли кого уже бродящего по улице, так бы скорее зазывал в кабак. Выбежал и оглядывался...

— Посмотрите на него, на что оно похоже... Что бы ему голову под чуб подстричь, как водится у людей? *А то патлатый, патлатый!* Волоса по лбу длинные, даже в глаза ему лезут, уши закрывают, по затылку болтаются; и все только, сердечный, головою потряхивает, чтобы волоса не мешали ему глядеть и слушать. И рубашка на нем также не по-людски: вместо белой, как повелевает закон, она у него красная или синяя и без воротника, а с крючком, да на плече полу застегнет; так что, кто из нас в первый раз отроду увидит москаля, так и не отгадает, что *оно* такое есть.

Вот такой-то стал подле двери кабака, посматривал сюда-туда и увидел, что солдат с ружьем стоит на карауле; вот он и стал кликать его: «Служба! Поди-ка сюда. Стань *тут-здесь*, чтобы подчас, когда будет драка, так не дай нас в обиду; а порция от нас будет». Солдат стоит, не ворохнётся. *Москальча крикнуло* в другой раз, кричит и в третий... Солдат ни с места. *Москальча испугалось*, чтобы солдат не рассердился и не дал бы ему таски, оставил его, поскорее в кабак и запер за собою дверь. Слышавши все это, Кузьма Трофимович усмехнулся, моргнул усом и подумал себе: «Не велика штука обдурить москаля. Увидим, что будет далее».

Затем появилось и солнышко. Тут встрепенулись и наши, что понавели муки из Деркачей, Ольшаной, были из Коломака. Что это, батеньки, из каких-то мест не понавели на ту ярмарку разного хлеба! Таки видимо-невидимо стояло тут возов! Если сказать, что тут было возов двадцать, то, ей же то богу моему, гораздо более. Тут и рожь, и овес, и ячмень, и пшеница, и гречиха, и просо — и все, все было. Знаете, пришло время взносить подушное, так всякому деньги нужны. Наш братчик не бабак, себе на уме, ждет поры-времени. Слава тебе господи! Он не станет так поступать, как москаль, что покинет и жену, деточек и всякое хозяйство, да за тою бедною копейкой *шляется по всем-всюдам* и забредет даже на край света, да кровавым потом добывает ее. Да чего таки и мудрить? Когда уродил бог хлеба и дал его собрать, то и ожидай, пока придёт нужда и десятские потянут тебя в волостное правление, требуя подушного в общественную сумму; а тут жена затеет льну прясть для рубашек на всю семью, дети требуют к зиме обуви и теплой одежи, да и всякая такая напасть постигнет, что на все нужно денег, тогда уже некуда деваться — вези товар хоть верст за

СОДЕРЖАНИЕ

Зачинатель украинской прозы. *Л. Г. Фризман* 5

Малороссийские повести, рассказываемые Грыцьком Основьяненком. Книжка первая (1834)

Солдатский портрет 17
Маруся 33
Праздник мертвецов 97

Малороссийские повести, рассказываемые Грыцьком Основьяненком. Книжка вторая (1837)

Делай добро, и тебе будет добро 115
Конотопская ведьма 141
Вот тебе и клад! 197

Малороссийские повести, рассказанные Основьяненком. Книжка третья (не изданная)

Божии дети 215
Вот любовь! 243
Перекатиполо 293

Повести, не включенные в авторские сборники

Козырь-девка 317
Украинские дипломаты 361
Сердешная Оксана 444
Головатый (Материал для истории Малороссии) 485
Предание о Гаркуше 507
Примечания. *Л. Г. Фризман* 578